

ГЛАВА I

Я отправляюсь в Шоос-хаус

Рассказ о моих приключениях я начну с июньского утра 1751 года, когда в последний раз я запер за собой дверь отчего дома. Пока я спускался по дороге, солнце едва освещало вершины холмов, а когда дошел до дома священника, в сирени уже свистели дрозды и предрассветный туман, висевший над долиной, начинал подниматься и исчезать. Добрейший иссендинский пастор мистер Кэмпбелл ждал меня у садовой калитки. Он спросил, позавтракал ли я, и, услышав, что мне ничего не нужно, после дружеского рукопожатия ласково взял меня под руку.

— Ну, Дэви, — сказал он, — я провожу тебя до брода и выведу на дорогу. — Мы отправились, и немного погодя он спросил: — Жалко тебе покидать Иссендин?

— Я мог бы ответить на ваш вопрос, если бы точно знал, куда я иду и что со мной случится дальше, — признался я. — Иссендин — славное местечко, мне было хорошо здесь, но ведь я ничего на свете больше и не видел. Отец и мать мои умерли, и, даже останься я в Иссендине, я был бы от них так же далеко, как живя где-нибудь в Венгрии. Откровенно говоря, я уходил бы отсюда очень охотно, будь у меня уверенность, что на новом месте мое положение улучшится.

— Да! — согласился мистер Кэмпбелл. — Ты прав, Дэви. Значит, мне следует открыть тебе твоё будущее, насколько это в моей власти. Когда твоя мать умерла, а твой отец, достойный христианин, почувствовал приближение смерти, он отдал мне на хранение письмо, предупредив, что оно — твоё наследство. «Как только я умру, — сказал он, — и дом будет приведен в порядок, а имущество продано, — все так и было сделано, Дэви, — вручите это письмо моему сыну, и пусть он отправляется в Шоос-хаус, что недалеко от Крамонда. Я сам пришел оттуда, и туда же следует возвратиться

моему мальчику. Он смелый юноша, и я не сомневаюсь, что он благополучно доберется до места и сумеет заслужить там всеобщее расположение».

— В Шоос-хаус! — воскликнул я изумленно.

— Никто достоверно не знает, — осторожно заметил мистер Кэмпбелл, — но кажется, владельцы этой усадьбы носят такую же фамилию, как и ты, Дэви. Бэлфуры из Шооса — старинная, честная, почтенная семья, в последнее время, правда, утратившая прежнее величие. Твой отец тоже получил образование, подобающее его происхождению, никто так успешно не руководил школой, как он, и образованность его превосходила уровень простого сельского учителя; тебе известно, что я любил, когда он бывал у меня с визитами наряду с другими почтенными людьми, и даже мои родственники: Кэмпбеллы из Кильренета, Кэмпбеллы из Денсвайра, Кэмпбеллы из Минча и другие, все очень просвещенные люди, — находили удовольствие в его обществе. В довершение сказанного вот тебе завещанное письмо, написанное рукой твоего покойного отца.

Он дал мне письмо, адресованное следующим образом: «Эбенезеру Бэлфуру из Шооса, эсквайру, Шоос-хаус, в собственные руки. Письмо это будет передано ему моим сыном Дэвидом Бэлфуром». Сердце мое сильно забилося при мысли о блестящем будущем, внезапно открывшемся предо мной, семнадцатилетним сыном бедного сельского учителя в Эттрикском лесу*.

— Мистер Кэмпбелл, — произнес я с волнением, — а вы бы на моем месте пошли туда?

— Разумеется, — заверил священник, — причем не медля. Такой взрослый юноша, как ты, в два дня доберется даже до Крамонда. В самом худшем случае, если твои знатные

* Эттрикский лес — в шотландских преданиях таинственное место, где обитают фейри, или сверхъестественные существа из кельтской мифологии (в переносном смысле означает: в глухой провинции, в захолустье). — *Здесь и далее примеч. ред.*

родственники, — а я предполагаю, что эти Бэлфуры тебе родня, — выставят тебя за дверь, ты всегда сможешь вернуться обратно и постучаться в дверь моего дома. Но я надеюсь, что тебя примут хорошо, как и думал твой отец, и со временем ты сделаешься важным человеком. А пока, Дэви, мой мальчик, в эту минуту расставания я считаю своей обязанностью предупредить тебя об опасностях, которые поджидают тебя в свете.

При этих словах священник немного помешкал, выбирая место, где удобнее присесть, потом опустился на большой камень под березой у дороги, с важностью оттопырил верхнюю губу и накрыл носовым платком свою треугольную шляпу, так как солнце уже высоко поднялось над двумя вершинами и теперь ярко светило прямо на нас. Подняв указательный палец, мистер Кэмпбелл стал предостерегать меня сначала от многочисленных ересей, которые и так насколько не соблазняли меня, и убеждать не пренебрегать молитвой и чтением Библии. Потом он описал мне знатный дом, куда я направлялся, и дал совет, как вести себя с его обитателями.

— Будь уступчив, Дэви, в несущественном, — напутствовал он. — Помни, что хотя ты и благородного происхождения, но воспитан в деревне. Не посрами нас, Дэви! Будь обходителен в этом большом многолюдном доме, где наверняка много слуг. Будь осмотрителен, сообразителен и сдержан в эмоциях. Что касается владельца поместья, не забывай, что он — лэрд*. Скажу тебе вот еще что: воздавай всякому причитающееся. По-моему, юноше должно быть лестно подчиняться лэрду, да вдобавок своему родственнику.

— Наверное, — согласился я. — Обещаю вам, что постараюсь следовать всем вашим советам.

— Вот и прекрасно, — улыбнулся пастор. — Теперь обратимся к самой важной материи, то есть к кое-чему нема-

* Лэрд — в Шотландии то же самое, что лорд в Англии.

териальному, — пусть это прозвучит как игра слов. Вот здесь лежат четыре вещи. — Он с усилием вытащил из бокового кармана небольшой пакет. — Из них первая принадлежит тебе по закону: это небольшая сумма, вырученная от продажи книг и домашнего скарба твоего отца, — я уже говорил тебе, что купил их, а потом выгодно перепродал новому школьному учителю. Остальные три вещи — подарки от нас с миссис Кэмпбелл. Ты доставишь нам большое удовольствие, приняв их. Первая вещь круглая, и она, вероятно, больше всего понравится тебе, особенно вначале, но помни, Дэви, что она преходяща: облегчит тебе один шаг и исчезнет, как капля в море, растает, как утренний туман. Вторая вещь плоская, четырехугольная, вся исписанная: она будет служить тебе в жизни, как хороший посох страннику, как подушка под головой уставшему или больному. Третья вещь кубическая — она укажет тебе путь в лучший мир, а я стану молиться об этом.

Тут он поднялся, снял шляпу и некоторое время громко молился за отрока, отправлявшегося в мир, после чего внезапно обнял меня, крепко расцеловал, затем отстранил от себя и, держа за плечи, долго глядел на меня с лицом, омраченным глубокой скорбью, наконец отпустил, повернулся, крикнул мне «Прощай!» и почти бегом бросился обратно по дороге. Со стороны это показалось бы смешным, но мне и в голову не приходило смеяться. Я следил за добрым священником, пока он не скрылся из виду: он бежал все быстрее и ни разу не оглянулся назад. Я понимал, что причиной его грусти являлось расставание со мной, и совесть кольнула меня упреком, ведь сам-то я был тогда очень рад, уходя из деревенского захолустья в блестящий шумный дом, где жили богатые и уважаемые дворяне Бэлфуры — знатные люди одного со мной рода. «Дэви, Дэви, — думал я, — видана ли где-нибудь такая черная неблагодарность? Неужели при одном намеке на знатность ты готов забыть своих старых друзей, тех, кто к тебе сердечно расположен? Стыдно, Дэви, очень стыдно!»

Я опустился на камень, на котором сидел мистер Кэмпбелл, и открыл пакет, чтобы посмотреть подарки. Я догадывался, что кубическая вещь, о которой говорил священник, — это карманная Библия. То, что он называл круглой вещью, оказалось шиллингом, а третья вещь, которая должна была служить мне в жизни и здоровому и больному, представляла собой клочок грубой желтой бумаги, где красными чернилами были выведены следующие строки: «Как готовить ландышевую воду. Возьми херес, сделай настойку на ландышесом цвете и принимай при случае ложку или две — эта настойка возвращает дар речи тем, у кого отнялся язык, помогает при подагре, укрепляет сердце и память. Положи цветы ландыша в банку, плотно закупорь и поставь на месяц в муравейник; выделенную цветами жидкость храни в пузырьке — она полезна и здоровым и больным, и мужчинам и женщинам». Внизу пастор сделал приписку: «Ее следует также втирать при вывихах, а при коликах принимать по одной столовой ложке каждый час».

Я, разумеется, посмеялся над этими наивными рецептами, но без всякой злобы или раздражения. Повесив свой дорожный узел на конец палки, я перешел речку вброд и стал подниматься на холм на другом берегу. Наконец я выбрался на тропинку, протоптанную среди вереска, и кинул прощальный взгляд на иссендинскую церковь, на деревья возле дома священника и на высокие рябины на кладбище, где покоились мои родители.

ГЛАВА II

В мечтах и наяву

Наутро второго дня, достигнув вершины холма, я увидел перед собой с высоты всю страну, раскинувшуюся по склону до самого моря, а посреди склона, на длинном горном кряже, — Эдинбург, дымивший, как калильная печь. На зам-

ке развевался флаг, а в заливе ходили или стояли на якорях суда. Несмотря на дальность расстояния, я хорошо разглядел общую картину, которая показалась мне грандиозной, и мое сердце простого деревенского юноши от радости чуть не выпрыгнуло из груди.

Я миновал дом пастуха, где мне довольно неприветливо объяснили, как добраться до Крамонда. Так, спрашивая дорогу то у одного, то у другого жителя, я долго шел по направлению на запад от столицы, пока не выбрался на дорогу, ведущую в Глазго. На ней, к своему удивлению и удовольствию, я заметил солдат, которые двигались маршем под звуки флейты. Впереди на серой лошади ехал старый генерал с багровым лицом, сзади вышагивала рота grenadiers в шапках, напоминавших папские тиары. При виде военных в красных мундирах и при звуках торжественной музыки во мне пробудилась национальная гордость.

Я проследовал дальше, и вскоре мне объяснили, что я уже в крамондском приходе. Тогда я стал осведомляться у встречных о Шоос-хаусе. Странно, но мне показалось, что мой вопрос приводит всех в замешательство. Сначала я подумал, что дело во мне: наверное, моя и без того неказистая, да к тому же запылившаяся в дороге деревенская одежда не соответствовала величию здешних мест. Но когда еще несколько жителей подряд, взглянув на меня без малейшего интереса, уклонились от ответа, мне пришло в голову, что я тут не при чем, — причина в самом Шоос-хаусе. Может, я не так спрашивал? Чтобы рассеять сомнения, я решил изменить форму вопроса и, увидев какого-то добродушного малого, который ехал по проселочной дороге, стоя на телеге, поинтересовался, не слышал ли он когда-нибудь про Шоос-хаус. Парень дернул вожжи, притормаживая, и посмотрел на меня, как и другие, с нескрываемым удивлением.

— Ну, — пробормотал он, — а что?

— Это большая усадьба? — уточнил я несмело.

— Разумеется. Дом очень большой.

— А что за люди живут там?

— Люди?! — оживился он. — Ты с ума сошел! Там нет людей.

— А мистер Эбенезер?

— О! — воскликнул незнакомец. — Да, если тебе нужен лэрд, то он там. Какое у тебя к нему дело, любезный, если не секрет?

— Мне сказали, что я могу найти у него место, — объяснил я, стараясь держаться как можно скромнее.

— Что? — закричал парень так громко, что вздрогнула лошадь. — Вот что, любезный, — продолжал он, — это, конечно, не мое дело, но ты кажешься мне порядочным малым. Послушай моего совета и держись подальше от Шоос-хауса.

Потом я встретил юркого человечка в красивом белом парике и понял, что это цирюльник, а так как мне было известно, что все цирюльники — большие болтуны, я без обиняков спросил его, что за человек мистер Бэлфур из Шоос-хауса.

— Человек? — вскинул брови цирюльник. — Он очень мало похож на человека, — добавил он и принялся хитро расспрашивать, что мне нужно от мистера Бэлфура, но я оказался еще хитрее, и парикмахерских дел мастер, так ничего толком и не добившись от меня, отправился к своему клиенту без вороха сплетен.

Не могу описать, какой удар нанесли все эти сцены моим ожиданиям! Хуже всего было то, что никто ничего толком не объяснял, — все лишь таращили на меня глаза, а туманные обвинения мистера Бэлфура и Шоос-хауса неизвестно в чем обостряли мое нездоровое воображение и терзали меня еще больше. Что это за дом, когда один только вопрос «Где он находится?» заставляет весь приход вздрагивать и шарахаться прочь? И что это за лэрд, дурная слава о котором мчится по всем окрестностям? Если бы через час я мог снова очутиться в Иссендине, то бросил бы все свои намерения и вернулся бы к мистеру Кэмпбеллу. Но я забрался уже так далеко, что самолюбие не позволяло мне отступить,

из одного только самоуважения я обязан был разобраться во всем и довести дело до конца. И хотя на душе у меня было прескверно от того, что я услышал, я все-таки, хотя и медленнее, чем прежде, продолжал идти вперед и спрашивать дорогу.

На закате я встретил полную темноволосую женщину с угрюмым лицом, устало спускавшуюся с холма. Лишь только я обратился к ней со своим привычным вопросом, она резко повернула назад, проводила меня до вершины, с которой только что сошла, и показала мне на большое строение, одиноко стоявшее на лужайке в глубине ближайшей долины. Окружающая местность понравилась мне: невысокие холмы густо поросли лесом, тучные, старательно возделанные поля обещали богатый урожай. Но дом выглядел полной развалиной, к нему не вело никакой дороги, ни из одной трубы не поднимался дым, и я не заметил вокруг ничего похожего на сад. У меня сжалось сердце:

— Как? Это Шоос-хаус?

Глаза женщины враждебно сверкнули.

— Он самый! — закричала она. — Кровь строила его, кровь прекратила строительство, кровь и разрушит его. Гляди, — воскликнула она, — я плюю на землю и призываю на него проклятие! Пусть все там погибнут! Если увидишь лэрда, передай ему мои слова, скажи, что Дженет Клоустон в тысячу двести девятнадцатый раз призывает проклятие на него и на его дом, на его хлев и конюшню, на его слугу, гостя, хозяина, жену, дочь, ребенка — да будет ужасна их гибель!

Женщина, чей голос звучал как жуткое заклинание, внезапно повернулась и исчезла, а я продолжал стоять на том же месте, и волосы мои поднялись дыбом. В то время люди верили в ведьм и боялись проклятий. Проклятие этой женщины, явившееся как бы предостережением, чтобы я остановился, пока не поздно, совершенно лишило меня сил. Я присел на холме возле канавы и стал смотреть на Шоос-хаус. Чем дольше я вглядывался, тем больше восхищался